

Глава 19. Тысяча золотых

Надо же, как быстро расходятся слухи. Юй Шаолин слегка покраснел, но перед родным братом притворяться и скрытничать не имело смысла. Смутившись, он усмехнулся:

— Матушка упоминала об этом, — признался он. — И сегодня даже показала мне её портрет. Что и говорить, девица и впрямь недурна собой.

— Она тебе нравится, братец?

— Рано ещё говорить о чувствах, мы ведь даже не виделись, — ответил он. — Просто красивая, глаз не оторвать, только и всего.

Юй Шаолин высказался без обиняков, но, заметив, как его брат вдруг опустил голову и о чём-то задумался, немного растерялся. Ему казалось, что Юй Шаоин чем-то расстроен, но в чём крылась причина его недовольства, он понять не мог. Он уже собирался спросить напрямую, как вдруг он тихо произнёс:

— Братец, я проголодался.

Ну конечно. Если Шаоин приходил к нему, то почти наверняка лишь потому, что его донимал голод. Выбросив из головы ненужные мысли, он лишь спросил, чего ему хочется. Брат остался верен своим привычкам и не стал капризничать, попросив обычную рисовую лапшу с курицей.

С этим возникли трудности: в прошлый раз он готовил лапшу на наваристом курином бульоне, которого сегодня под рукой не оказалось. Однако, раз уж брат попросил, Шаолин как заботливый старший брат просто обязан был что-нибудь придумать. Он отправился на кухню на поиски съестного. Перерыв все припасы, он обнаружил лишь немного свиного бульона с рёбрышками, оставшегося после ужина, и предложил приготовить лапшу на нём. К счастью, Шаоин не отличался привередливостью. Узнав, что есть только свиной бульон, он покладисто кивнул.

Дальнейшее не требовало особых усилий: нужно было лишь разогреть бульон и отварить рисовую лапшу. Юй Шаолин даже поджарил для него яйцо — вышло неказисто, зато желток остался целым и ничего не пригорело. Пока он суетился у плиты, Шаоин не сводил с него глаз. Решив, что брат изнывает от голода, он ласково подбодрил его:

— Терпение, скоро всё будет готово.

Едва он договорил, как лапша была готова. Пар над миской поднимался густой и ароматный. Шаолин и сам проголодался, поэтому наложил порцию и себе, а затем отыскал баночку квашеной капусты, которой его недавно угостили младшие соученики. Сдобрив ею свою тарелку, он сел напротив брата за небольшой кухонный стол, и они принялись за еду.

На вид Юй Шаои казался тихим и утончённым юношей, однако питал страсть к невероятно острой пище. Не успели они начать, как он трижды щедро сыпанул в миску жгучего перца, пока наваристый бульон не окрасился в ядовито-багровый цвет. Шаолин подобной стойкостью похвастаться не мог, а потому мирно уплетал свою пресную лапшу. Он поднял глаза и заметил выступившие на кончике носа брата капельки пота. С улыбкой протянув ему платок, он покачал головой:

— Вытрись. Хорошего понемножку, зачем же так себя истязать?

Шаои ничего не ответил, лишь мягко улыбнулся в ответ. Приняв платок, он промокнул лицо, после чего снова склонился над миской и послушно допил острый бульон до последней капли. Шаолин только диву давался его аппетиту.

— Куда в тебя столько лезет на ночь глядя? — шутливо пожурил его брат. — Ты же юноша, набьёшь сейчас живот, а потом уснуть не сможешь.

— Просто у тебя получается слишком вкусно, братец.

— Ишь какой подлиза! — рассмеялся Шаолин. — Колись, небось надеешься, что я до конца дней буду у тебя на побегушках?

Он ляпнул это в шутку, даже не думая придавать своим словам особого значения. Однако Шаои почему-то промолчал. Юй Шаолину это показалось странным. Подняв голову, он встретился с ним взглядом. Он по-прежнему казался холодным и отстранённым, лишённым всякого живого тепла, но если присмотреться... в его глубине таилось нечто новое. Он смотрел на него пристально, не мигая. И вопрос его прозвучал с какой-то по-детски наивной, но пугающей настойчивостью:

— А разве нельзя?

Шаолин опешил от этого взгляда. Он растерялся, не зная, что ответить, но брат, истолковав его замешательство по-своему, горько усмехнулся. Словно пытаясь оправдать его перед самим собой, он тихо проговорил:

— Наверное, нельзя... Ведь ты скоро женишься, братец. И больше не будешь принадлежать мне одному.

В его голосе сквозила такая неприкрытая тоска, что Шаолину сделалось не по себе. Подавив внезапное чувство неловкости, он поспешил его успокоить:

— Глупости какие! Ты же мой младший брат. Что бы ни случилось в будущем, я всегда буду заботиться о тебе. Обещаю.

Эти слова мгновенно преобразили его. На лице Шаои расцвела улыбка — до того яркая и ослепительная, что у Шаолина на мгновение перехватило дыхание.

— Ты сам это сказал, братец, — мягко произнёс он. — Смотри же, не забудь.

— Можешь не сомневаться, я помню всё, что обещаю, — заверил он его. — Но послушай, Шаои, со временем ты обязательно встретишь человека, который будет любить и баловать тебя куда сильнее, чем я.

— А если такого человека не найдётся?

— Да быть того не может, — Шаолин рассмеялся и, точно так же, как когда-то матушка успокаивала его самого, ладонями обхватил его лицо. Он смотрел на него с искренней нежностью. — Мой младший брат достоин лучшего мужчины в поднебесной.

«В конце концов, главный герой романа, Ци Фань, и есть тот самый лучший мужчина»

Но Шаои вдруг поднял на него взгляд, и он лихорадочно блеснул:

— А если я его не встречу? Или встречу, но он не придётся мне по сердцу?

Шаолин опешил. О подобном исходе он даже не задумывался. Оригинальный сюжет нерушимо утверждал одно: Юй Шаои — официальная пара главного героя Ци Фаня, его «белый лунный свет» и единственная любовь на всю жизнь. Однако автор книги и впрямь ни словом не обмолвился о том, что испытывал он к своему суженому. А вдруг он действительно не сможет его полюбить? Что тогда делать?

Он погрузился в глубокое раздумье. Брат не торопил его, словно понимая, что брату нужно время, и терпеливо ждал ответа.

Наконец решение было принято. Юй Шаолин посмотрел ей прямо в глаза и со всей серьёзностью произнёс:

— Ну и пусть. Не встретишь — не надо, не полюбишь — и ладно. Если тебе кто-то не по душе, никто не вправе тебя неволить. В крайнем случае, я сам буду заботиться о тебе всю жизнь.

От этих слов ледяная стена в его взгляде мгновенно растаяла. Словно пытаясь скрыть нахлынувшие чувства, он поспешно уткнулся в свою миску, допивая остатки супа. Голос его, приглушённый краем фарфора, прозвучал непривычно хрипло:

— Смотри, братец, не обмани меня.

— Не обману, — тихо пообещал он.

И это простое обещание стоило тысячи золотых.

<http://bllate.org/book/18172/1749952>